

Между конфликтностью и стабилизацией. Юго-Восточная Европа через 5 лет

Александр Пивоваренко

Еще недавно будущее Юго-Восточной Европы считалось вполне логичным и предсказуемым. После создания 30 июля 1999 г. Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы утвердилось мнение, что регион вступил в полосу стабилизации, в странах наблюдался экономический рост, демократические перемены, а европейские институты пользовались авторитетом. Оптимистично оценивалось расширение НАТО и подключение к ее программам новых стран – Болгарии, Румынии, Словении, Албании, Хорватии, Македонии. Евроатлантическая интеграция 11 лет назад называлась вполне реалистичной задачей для всех стран¹. Альтернативные мнения звучали, но не имели силу. Возникли иллюзии, подкрепленные сдержанно-оптимистичным характером отношений Россия–Запад.

Международные отношения – это колебания между порядком и хаосом. И сегодня, как принято считать, они переживают переходную стадию, вызванную кризисом старой системы и отсутствием на сегодняшний день новых принципов сотрудничества². Хотя завершения евроатлантической интеграции совершенно нельзя исключать, необходимо отметить, что оно, скорее всего, будет происходить в ином международном контексте: вместо оптимизма сегодня господствует напряженность, вызванная ухудшением военно-политической обстановки в Евразии с 2008 г. и расколом в отношениях Россия–Запад. Хотя нормализация возможна и, безусловно, желательна, определенно повысилась вероятность того, что в ближайшие пять лет возможно движение в обоих направлениях – как в сторону возвращения к стабилизации, так и в сторону дальнейшей дестабилизации ситуации.

Из этого следует, что важнейшую роль при определении будущего региона будет играть внешний фактор. Он является определяющим по той причине, что Балканы почти всегда были местом столкновения чужих интересов³. Сегодня «внешний фактор» заключается в проблеме выбора внешнеполити-

¹ Bringing Peace and Stability to the Balkans // NATO in the Balkans. Briefing. February 2005. P.2. URL: http://www.nato.int/nato_static/assets/pdf/pdf_publications/20120103_balkans-e.pdf

² Косолапов Н.А. Глобализация: от миропорядка к международно-политической организации мира // Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002. С. 307.

Иванов И. Внешняя политика в эпоху глобализации. М., 2011. С. 67.

³ Никифоров К.В. Сербия на Балканах. XX век. М., 2012. С. 153.

ческого курса для стран, находящихся вне евроатлантической интеграции. Характерно, что ухудшение отношений Россия—Запад привело к тому, что проблемы региона стали рассматриваться в логике конфронтации, что привело к усилению интеграционных импульсов⁴. Показательны в этом отношении события 2015–2016 гг. в Черногории (акции протеста, подготовка к вступлению в НАТО, парламентские выборы и внутриполитический кризис), когда премьер-министр М. Джуканович активно использовал антироссийскую риторику⁵. Традиционно внешний фактор заключается и в не всегда справедливом урегулировании Югославского кризиса 1990–2001 гг. Однако существуют и традиционные проблемы региона, обусловленные сохраняющимся смешанным проживанием различных этноконфессиональных общностей, несовпадением государственных границ с этническими, а сегодня и некоторыми признаками деградации политических режимов.

Во многом будущее Юго-Восточной Европы будет решать внешний фактор. Страны, не вовлеченные в процессы евроатлантической интеграции, должны будут выбрать направление внешней политики.

Таким образом, ситуацию в Юго-Восточной Европе представляется разумным оценивать исходя из сочетания внешних (международный контекст) и внутренних (процессы, происходящие внутри Балканского полуострова) условий.

Сценарии стабилизации Мост между Европой и Азией

Наиболее очевидным вариантом, следующим из логики развития прошлого, могло бы стать восстановление широкой стабильности, основанной на урегулировании кризиса Россия—Запад, подкрепляющей стабильность

⁴ На Балканах это стало проявляться с лета—осени 2014 г., когда в странах ЕС появились алармистские высказывания в отношении России. Утверждалось, что возросшая финансовая и политическая мощь России способна подорвать позиции ЕС в ряде важнейших регионов. Говорилось о необходимости противопоставить собственную стратегию, основанную на ограничении экономического и политического влияния России и усилении евроатлантической интеграции в Юго-Восточной Европе.

См.: Clark D., Foxall A. Russia's Role in the Balkans – Cause for Concern? The Henry Jackson Society. London, June 2014. p. iii, 19-20.

URL: <http://henryjacksonsociety.org/wp-content/uploads/2014/06/Russias-Role-in-the-Balkans.pdf>;

См. также: Merkel Concerned about Russian Influence in the Balkans. Spiegel Online. October 17, 2014.

URL: <http://www.spiegel.de/international/europe/germany-worried-about-russian-influence-in-the-balkans-a-1003427.html>

⁵ Milo Đukanović: Opasnost po EU dolazi iz Rusije // Aljazeera Balkans.

URL: <http://balkans.aljazeera.net/vijesti/milo-dukanovic-opasnost-po-eu-dolazi-iz-rusije>

в отдельных регионах общего континента. Для этого представляется необходимым соблюдение ряда условий: урегулирование внутреннего кризиса ЕС, скорейшее разрешение кризисов, влияющих на безопасность ЕС и России (украинский, сирийский, гуманитарный кризис беженцев, экспорт терроризма и радикального ислама), поиск жизнеспособной экономической модели для переживающей кризис европейской периферии.

Всеобщая стабилизация возможна в случае снятия с повестки дня конфликта Россия-Запад. В зависимости от его решения стабилизация может развиваться двумя способами. В случае сохранения либо усиления России как фактора, способного влиять на ситуацию в регионе, стабильность на Балканах может реализоваться посредством поиска компромиссной модели евроатлантической интеграции для сохраняющих промежуточное положение стран (Сербия, Босния и Герцеговина, Черногория, Македония). В случае снижения роли России – посредством завершения интеграции региона в ЕС и НАТО. Промежуточные варианты, таким образом, подразумевают завершение евроатлантической интеграции для одних стран (Босния и Герцеговина, Черногория) и поиска компромиссной модели для других (Сербия и Македония).

За новой Глобальной стратегией ЕС может последовать стремление к активизации Евросоюза на турецком и балканском направлениях.

Своего рода ориентиром здесь видится возвращение к ситуации 2001–2014 гг., которая считается в какой-то степени образцовой. Однако необходимо помнить, что в тот период параллельно стабилизации разворачивались процессы управляемой дезинтеграции (Черногория-2006, Косово-2008). Таким образом, стабилизация в этом сценарии подразумевает определенные изменения, пускай и в управляемом режиме.

Расширение НАТО на Восток и вмешательство Запада во главе с США в Югославский кризис привели к образованию натоцентристской модели европейской безопасности⁶. Однако, возможно, ситуация будет меняться. С принятием летом 2016 г. новой Глобальной стратегии ЕС следует ожидать попыток повышения роли Евросоюза⁷ и нарастания его усилий по стабилизации балканского и турецкого направления как жизненно важного для европейской безопасности. Проводниками этого влияния прежде всего должны стать Германия, исторически имеющая особые интересы в регионе⁸,

⁶ Никифоров К.В. Сербия на Балканах. ХХ век. М., 2012. С. 149.

⁷ Тимофеев И. Россия-ЕС: выборочное сотрудничество и стратегический диалог в области безопасности // Российский совет по международным делам, 28 сентября 2016.

URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8163#top-content

⁸ Камкин А. Германское лидерство в Европе – гегемония поневоле? // Российский совет по международным делам. 20 октября 2016. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8252#top-content

и Италия, ориентированная на черногорское и албанское побережье. Однако стоит ожидать подключения других европейских (Франция, Великобритания, Польша) и не только стран (Китай, арабские страны), уже сегодня проявляющих интерес к региону. Не стоит забывать о Турции, рассматривающей регион как сферу своих национальных интересов⁹.

Значение Сербии и Македонии, через которые проходят маршруты к крупнейшим портам, может существенно возрасти.

Стабилизация подразумевает и повышение транзитной роли Балкан как связующего звена между Западной Европой и Передней Азией. Сегодня мы наблюдаем модернизацию коммуникаций трансрегионального значения (Коридор X), крупных портов (албанские Дуррес и Влера), приход китайских инвесторов в порты Пирей и Салоники¹⁰. Строятся и модернизаются региональные магистрали: маршрут Белград – черногорский порт Бар; Ниш – Приштина – Дуррес¹¹. Летом 2016 г. активизировалась работа по проекту Трансадриатического и Ионическо-адриатического газопровода, объединяющего Грецию, Албанию, Хорватию¹². Ведутся разговоры о модернизации железных дорог Македонии¹³.

В случае успеха данные проекты могут создать новую систему взаимосвязей и коммуникаций. Можно предположить повышение роли Сербии и Македонии как стран, обладающих благоприятным ландшафтом, откуда идет выход сразу к нескольким крупным портам, а также края Косово, обладающего, помимо прочего, значительными минеральными запасами. Меньшее значение с точки зрения транспортировки товаров может оказаться у прибрежной Хорватии, в связи с не самым удобным горным ландшафтом и удаленностью порта Риека. При этом восточная Хорватия имеет хорошие шансы благодаря участию в Коридоре X. Кроме того, Хорватия имеет шанс получить компенсацию в случае успешной реализации Трансадриатического газопровода и неудачи «Южного потока» и газового транзита через Сербию.

⁹ Somun H. Turkish Foreign Policy in the Balkans and “Neo-Ottomanism”: A Personal Account. Insight Turkey. № 3(13). July-September 2011. P. 33.

URL: http://file.insightturkey.com/files/pdf/insight-turkey_vol_13_no_3_-2011_somun.pdf

¹⁰ China’s Harbor Purchase os Luring Other Investors, Greece Says // Bloomberg, 20 июля 2016 г.

URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2016-07-20/china-s-harbor-purchase-is-luring-other-investors-greece-says>

¹¹ Autoput Niš-Priština-Drač veza Koridora 10s albanskim lukama // Novosti.rs. June 6, 2015.

URL: <http://www.novosti.rs/vesti/naslovna/ekonomija/aktuelno.239.html:551696-Autoput-Nis-Pristina-Drac-veza-Koridora-10-s-albanskim-lukama>

¹² TAP Marks Start of Construction in Albania. September 30, 2016. URL: <https://www.tap-ag.com/news-and-events/2016/09/30/tap-marks-start-of-construction-in-albania>

¹³ Li Keqiang Meets with Prime Minister Emil Dimitrov of Macedonia / Ministry of Foreign Affairs of the PRC. November 5, 2016.

URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1413703.shtml

Сложным видится положение Болгарии, в случае исключения ее из демонстрирующих признаки возрождения транзитных проектов России и Турции.

Зато интересным видится будущее Албании, которая имеет шанс стать точкой сопряжения различных транзитных направлений. Она обладает протяженным побережьем, близкими к Средиземноморью крупными портами, растущим населением и дешевой рабочей силой. Высокими темпами развивается Тирана и другие города. Вполне возможно, в следующие пять лет мы будем «открывать» эту страну заново.

Статус-кво, достигнутый в регионе в 2000-х гг. будет удовлетворительным для России.

Очевидно, создание единой транспортной системы означает заинтересованность в сохранении стабильности региона, укреплении существующих политических режимов и росте региональной кооперации. Это подразумевает, в частности, действия по нормализации сербо-албанских отношений, в том числе смягчение позиции по Косово. Другим возможным явлением может стать рост евроскептицизма в странах, оказавшихся на обочине трансрегиональных проектов. Он может проявляться в виде политических движений под лозунгом регионализма (предоставление большей автономии от центра отдельным странам либо областям в этих странах) либо посредством создания альтернативных «среднеевропейских» проектов. Например, сегодня говорят о кооперации Польша–Хорватия для формирования связи между Балтикой и Адриатикой¹⁴.

Заглядывая в историю, можно заметить, что предыдущий модернизационный рывок был осуществлен на Балканах в эпоху bipolarного противостояния, принесшего в регион стабильность. Тогда же в Югославии были построены дороги и пробиты тоннели, которыми до сих пор пользуются нынешние республики. Однако сегодня представляется близким другой сценарий XVIII–XIX вв., когда Балканы, оказавшись в сфере влияния различных империй, постепенно стали периферией Европы. Стоит ли ожидать стабильности в регионе в условиях нарастающей мировой конкуренции? Очевидно, что нынешние элиты очень на это надеются и будут прикладывать все усилия для сохранения статус-кво.

Статус-кво может отвечать и интересам России, в случае сохранения и укрепления созданных в 2000-е гг. позиций в регионе, прежде всего в сфере энергетики, экономики и инвестиций, поддержания текущего, достаточно высокого, уровня сотрудничества с Сербией и Республикой Сербской,

¹⁴ Newsletter of the Office of the President of the Republic of Croatia. December 2, 2015.

URL: http://predsjednica.hr/files/NEWSLETTER%20VIEWS%20and%20NEWS_no%202.pdf

нормализации политического климата в Черногории, нового сближения с Хорватией, в целом участия России в экономически привлекательных региональных проектах.

Натоизация Балкан или ответ на вызов России

Альтернативой стабильности, основанной на всеобъемлющем урегулировании, может стать попытка «принудительной стабилизации» как реакция на общее ухудшение ситуации. Столкнувшись с последствиями кризисов в Афганистане, Ираке, Сирии (как гуманитарными, так и в аспекте безопасности), внутренними проблемами ЕС, переменами в США и, конечно, с ощутимым различием в подходах с Россией по проблемам в Восточной Европе¹⁵ и не видя альтернативных вариантов, Брюссель может перейти к более активному использованию военно-политических методов в рамках оперативного реагирования на ситуацию.

В 2014 г. по инициативе Германии создан «берлинский процесс», цель которого заключается в ускорении евроинтеграции, усилении сотрудничества Балканы-ЕС, борьбе с евроскептицизмом¹⁶. Одним из первых результатов стало возобновление заявки на вступление в ЕС Боснии и Герцеговины, принятой в сентябре 2016 г.¹⁷

Значительное внимание региону уделялось в ходе последних саммитов НАТО в Уэльсе и Польше: больше десятой части положений итоговых деклараций (12 статей из 113 в 2014 г. и 15 статей из 139 в 2016 г.), прямо или косвенно посвящены Юго-Восточной Европе. Можно предположить следующие мероприятия в регионе:

- Продолжение курса на вовлечение в ЕС и НАТО Черногории. Усиление влияния на внеблоковые страны (Сербия, Босния и Герцеговина, Македония);
- Сохранение присутствия в Косово (миссия KFOR). Расширение взаимодействия Косова и НАТО по линии обороны и силовых структур. Продолжение давления на Сербию для признания независимости Косова и дальнейшего курса на развитие отношений Белграда и Приштины;
- Поддержание существующего статуса Македонии, сформированного Охридским соглашением 2001 г.;
- Поднятие вопроса о ревизии Дейтонских соглашений по Боснии и Герцеговине в связи с открытием заявки БиГ на вступление в ЕС в 2016 г. Снижение роли энтитетов и унитаризация БиГ;

¹⁵ Россия и Европа: эскалация отчуждения? 162-й Бергедофский круглый стол // Российский совет по международным делам, 10 июля 2016 г. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8274#top-content

¹⁶ Conference of Western Balkan States. URL: <https://europeanwesternbalkans.com/tag/conference-of-western-balkan-states/>

¹⁷ Council conclusions on the application of Bosnia and Herzegovina for membership of the EU URL: <http://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/09/20-conclusions-bosnia/>

- Сохранение поддержки Украины, Грузии и Молдовы. Усиление присутствия на Средиземном, Эгейском и Черном морях;
- Создание многонациональной румыно-болгарской воинской части (по образцу литовско-польско-украинской бригады), которая будет дислоцирована на территории Румынии. Проработка вариантов морского и воздушного присутствия в этих странах;
- Продолжение курса на увеличение военных расходов членами НАТО. Окончательный отказ стран – членов НАТО от советской военной техники в течение следующих 5–10 лет;
- Наращивание потенциала системы ПРО вокруг сегментов в Польше, Румынии и Турции;
- Сближение Польши с Хорватией и Румынией в рамках военного и экономического сотрудничества.

Можно предвидеть сближение Польши с Хорватией и Румынией на основе экономических интересов.

Саммит НАТО в Уэльсе указал на перспективные задачи, стоящие перед вооруженными силами стран НАТО: развитие способности действовать на нескольких направлениях («при одновременном возникновении нескольких вызовов») и отработка навыков коллективной обороны¹⁸. Это требует большей подготовленности и слаженности от армий малых стран, на долю которых может выпасть значительная часть боевой нагрузки. Отмечу, что данный курс уже находит отражение в оборонных программах ряда стран, увеличивающих военные расходы, в частности, Польши и Хорватии, которая планирует к 2018–2019 гг. достичь показателя 2% ВВП, а к 2024 г. завершить перевооружение своей армии¹⁹.

Чтобы реализовать эту программу, предстоит повысить качество вооруженных сил и управляемость союзников. Определенной моделью здесь могут стать решения Варшавского саммита НАТО, в отношении северо-западного фланга: в них говорится о создании программы рамочного партнерства,

¹⁸ Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе. Ст. 9–10 / Официальный сайт Организации Североатлантического договора.

URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_112964.htm

¹⁹ Так, план развития вооруженных сил Хорватии на 2015–2024 гг. говорит о создании «умных» и «легких» вооруженных сил, способных осуществить быструю передислокацию для присоединения к основным силам или организовать возможность приема союзнических сил на своей территории. См.: Министерство обороны Республики Хорватия. Документ. Dugogocni plan razvoja Oružanih snaga Republike Hrvatske 2015.–2024. S. 8, 75–78. URL: <https://www.morh.hr/hr/zakoni-i-strategije/strategije/10670-dugogosni-plan-razvoja-oruzanih-snaga-republike-hrvatske-2015-2024.html>

в котором «большие члены» НАТО берут ответственность за «обеспечение многонационального присутствия» в малых странах (Канада–Латвия, Германия–Литва, США–Эстония, США–Польша) либо о создании совместных частей соседних государств (Болгария–Румыния)²⁰. Не стоит исключать распространения подобной «мандатной системы» в перспективе и на юго-восточном фланге.

Можно прогнозировать и сближение Польши с рядом государств Юго-Восточной Европы, прежде всего Хорватией и Румынией. Наконец, это отвечает экономическим интересам Варшавы, где существуют проекты Балто-Адриатического партнерства.

Руководство большинства государств Восточной Европы выступает за сотрудничество с ЕС и НАТО, иногда забывая о национальном интересе. Впоследствии это может вызвать активизацию оппозиции.

Таким образом, использование Брюсселем военно-политических методов может быть вызвано необходимостью оперативного реагирования на ситуацию, желанием разобраться с «болевыми точками» в собственной сфере влияния и укрепить существующую структуру отношений в Юго-Восточной Европе в ответ на действия России, которые считаются «фундаментальной угрозой»²¹. Следовательно, кризис Россия-Запад может стать поводом для радикального решения ряда проблем, заложенных урегулированием югославского кризиса. Это не отменяет продолжения экономической интеграции – как показывают события 2014–2016 гг., экономические проекты и политическая «мобилизация» развиваются параллельно.

Потенциальным источником проблем может стать (и уже становится) территория Сербии, Черногории, Республики Сербской БиГ. Политика Запада на Балканах с 1990-х гг. основывалась на ослаблении наиболее сильной и ориентированной на самостоятельное развитие сербской нации и поддержке ее соседей, приступивших к реализации собственных национальных амбиций (словенцы, хорваты, бошняки, албанцы, черногорцы). Не стоит забывать, что именно сербы исторически упорнее всех сопротивляются влиянию, приходившему извне (фашизация, советизация, натоизация Балкан), а государство Сербия находится, возможно, в важнейшей точке Юго-Восточной Европы. Однако сегодня лидеры всех республик нацелены на сотрудничество и компромисс с евроатлантическими структурами.

30 лет

²⁰ Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Варшаве. Ст. 40–41 / Официальный сайт Организации Североатлантического договора.

URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm?selectedLocale=ru

²¹ Там же.

ми, порой, в ущерб национальному интересу. Следовательно, вероятен рост противоречий между властью и оппозицией. Нарастание социально-экономических трудностей будет дополнительным катализатором для усиления этих противоречий.

Сегодня возникает дилемма между сохранением существующих границ и их переносом в рамки ЕС и НАТО либо их пересмотром. Выбор модели будет зависеть от следующих факторов: уровня отношений Россия-Запад, исхода украинского кризиса, отношений России и Запада с Турцией, роста евроскептицизма на Балканах. В целом постановка «военного караула» на линии соприкосновения с потенциальным противником требует повышения дисциплины в тылу.

Альтернативой такому сценарию может стать попытка найти модель сотрудничества между Россией и Западом на Балканах. Регион уже пережил крупный кризис, память о котором является сдерживающим фактором. С другой стороны, существует как пересечение интересов, так и практика сотрудничества между мировыми игроками. Это, при условии соблюдения интересов России создает хороший задел для поиска компромиссов и универсальной модели сотрудничества, применимой в других проблемных точках.

Сценарии дестабилизации

Транснациональные угрозы

Данный сценарий можно представить как возникновение локального кризиса в регионе при восстановлении широкой стабильности. Сегодня он представляется менее вероятным из-за несоблюдения основного условия — отношения между ведущими мировыми игроками далеки от разрядки. Тем не менее сценарий нельзя сбрасывать со счетов в силу сохраняющихся угроз транснационального характера (миграционный кризис, нелегальный транзит оружия, наркотиков, торговля людьми, экспорт радикального ислама). Кризис беженцев 2015–2016 гг. показал, как, не имея возможности остановить кризис на дальних подступах, Европа была вынуждена решать его на собственной периферии²². Повторение такой ситуации в худшем виде чревато ухудшением криминогенной обстановки, созданием «оазисов» преступности и радикализма, а также обновлением разногласий между Западной и Юго-Восточной Европой, как это происходит по вопросу размещения беженцев. Создание же на Балканах «депрессивной зоны» может открыть одну из региональных проблем, которые имеются в достаточном количестве.

²² Пивоваренко А. Защищая рубежи. О миграционном кризисе в Юго-Восточной Европе // Российский совет по международным делам, 12 января 2016. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7095#top-content

Угрозу несут и объективные процессы, происходящие в демографии, экономике и политике. Демографический кризис наблюдается практически во всех государствах. Другая тенденция заключается в изменении пропорций в сторону неславянского населения Балкан, что создает предпосылки для изменения границ региона.

Еще одну тенденцию представляет собой кризис либеральной демократии как универсальной идеологии, объясняющей существующую форму совместного проживания и сглаживающей разногласия. Это чревато подрывом доверия к государственным институтам, политическим партиям, росту европсектицизма, национализма и авторитаризма с одной стороны и с другой – антиэлитизма и «югонастальгии» открывающих путь новым левым идеям. С февраля 2014 г. серьезные акции протesta прошли в четырех странах (БиГ, Сербия, Черногория, Македония). Успешно справилась с парламентским кризисом Хорватия, однако это привело к обновлению правых сил. Зато в новый кризис вступила Черногория, после парламентских выборов 16 октября 2016 г.

Пример Черногории и Сербии, где определенных успехов в 2016 г. добились европсектиков, указывает еще на одну тенденцию – водораздел между политическими силами проходит не по линии экономики и внутренней политики, а по отношению к национальному вопросу и внешнеполитической ориентации. Это означает возвращение региона к проблематике выбора между Западом и Востоком («евроатлантизмом» и «многовекторностью»), усиление борьбы с «инакомыслием» со стороны ЕС, если большая стабилизация не состоится.

Конкуренция национальных проектов

Наконец, еще один вариант развития ситуации заключается в возобновлении региональных конфликтов как следствие происходящей сегодня де-стабилизации в мире.

В исторической перспективе нынешняя ситуация не является чем-то новым: все последние крупные международные кризисы (1914 г., 1941 г., 1991 г.) приводили к переустройству отношений и изменению границ на Балканах. В свою очередь, балканские кризисы свидетельствовали о росте международной напряженности. Так, Болгаро-сербская война 1885 г., Боснийский кризис 1908–1909 гг., Балканские войны 1912–1913 гг. были следствием половинчатого урегулирования международного кризиса 1877–1878 гг. и стали прологом к Первой мировой войне. Тем не менее и первый, и второй мировой конфликты были принесены на Балканы извне²³.

Таким образом, и широкая нестабильность может привести к региональному конфликту ввиду внутренних причин, проистекающих из логики

²³ Никифоров К.В. Сербия на Балканах. XX век. М., 2012. С. 149.

развития наций и нерешенности ряда национальных вопросов. По сути, каждое из Балканских государств представляет собой собственный национальный проект. Они имеют различные исходные позиции, задачи, перспективы, традиции. Но все они сегодня проходят испытание независимостью.

Центральными являются сербский и албанский вопрос. Это самые раздробленные народы. Сербы проживают в Боснии и Герцеговине, Черногории и до сих пор частично в Хорватии. Албанцы присутствуют в Македонии, Черногории, на юге Сербии. Не стоит забывать об албанском населении в Греции. При этом нужно отметить разницу в динамике развития. Сербское национальное движение с 1990-х гг. находится в стадии упадка: давление международного сообщества, закрепление нынешних границ, морально-психологическое давление, демонизация сербов в 1990-е гг. ставят сербов в оборонительную позицию и рождают серьезную внутриполитическую дискуссию. Албанское же движение, подъем которого начался в 1960-е гг.²⁴, было поддержано в ходе югославского кризиса «западными миротворцами» и достигло определенных успехов, заключающихся в автономизации Косово, уравнении статуса македонцев и албанцев посредством Охридского соглашения в Македонии. Таким образом, движение находится на подъеме и способно формулировать амбициозные идеи в духе «албанцы имеют право жить в одном государстве». Однако существует противоречие между объективным стремлением реализовать национальную программу и существующими границами, поддерживающимися Западом. Таким образом, не стоит исключать конфликта интересов на этом направлении. В итоге «албанский фактор» остается одним из главных вызовов в Юго-Восточной Европе.

Албанский и македонские вопросы могут привести к серьезным проблемам в отношениях между Болгарией, Сербией, Албанией и Грецией.

Может обостриться македонский вопрос. Внутренние проблемы македонского государства (рост албанского и сокращение македонского населения, получение македонцами болгарских паспортов, противоречия « власть-оппозиция»), в сочетании с «проблемой названия» и «албанским фактором» могут привести к серьезному кризису, что поставит проблему в широкий контекст отношений между Болгарией, Сербией, Албанией, Грецией. Такой конфликт может обострить отношения России и Запада из-за актуализации двух прецедентов (Косовский и Крымский) и возникновения опасности для положения славянских православных народов на Балканах, судьба которых привлекает особое внимание части российской общественности.

²⁴ Гуськова Е.Ю. Агрессия НАТО против Югославии в 1999 году. М., 2013. С. 18–34.

Сегодня возникновение традиционного военного конфликта на Балканах не кажется таким вероятным. Во-первых, в мире существуют более конфликтные регионы, где интересы великих держав пересекаются в большей степени. Во-вторых, на это вряд ли способны современные политические элиты и население, которое от повторения военного сценария удерживает память о предыдущих конфликтах (особенно в Боснии и Герцеговине). В-третьих, в регионе физически находится меньше вооружений, чем в 1990-е гг., так как существуют «потолки вооружения», заложенные стандартами НАТО и международными соглашениями²⁵.

Однако это не исключает конфликтного сценария полностью. Во-первых, при наличии конфликтных точек ограничение вооружений не может быть абсолютной страховкой. Во-вторых, начинаются процессы по перевооружению армий, особенно в Сербии и Хорватии. В-третьих, существуют военизированные структуры в лице албанских УЧК/ОАК и ОНА, лидеры которых сегодня к тому же встроены в политическую систему Косова и Македонии. Есть ведомственные силы (полиция Республики Сербской), наконец, фанатские, криминальные и экстремистские группировки, в определенных обстоятельствах быстро организующиеся в вооруженные отряды. А войны 1941–1945 гг. и 1990-х гг. показывают, что в силу многих причин, более эффективны террористические, партизанские и «непрямые действия» (в определении Б. Лиддел-Гарта²⁶). Наконец, история показывает, что конфликту на Балканах не обязательно быть продолжительным или кровопролитным, чтобы создать напряжение или цепную реакцию.

²⁵ Так, Дейтонское соглашение (приложение 1В, статья IV) установило вполне конкретный потолок вооружений. См.: Международные организации и кризис на Балканах. Документы. Т. 3. Сост. и отв. редактор Гуськова Е.Ю. М., 2000. С. 229–231.

²⁶ Лиддел-Гарт Б. Стратегия непрямых действий. М., 1999. С. 11–16.